

зовам глобализирующегося мира, в частности конкретным технологиям внешнего негативного дестабилизирующего воздействия. Заявленная исследовательская стратегия отвечает высоким требованиям, предъявляемым к отечественному научному сообществу, содержательная направленность которой ориентирована на обеспечение устойчивого развития Республики Беларусь в условиях нестабильного функционирования многополярного мира.

Список литературы

1. Най, Д. С. Будущее власти: Как стратегия умной силы меняет XXI век / Д. С. Най ; пер. с англ. В. Н. Верченко. – М. : АСТ, 2014. – 448 с.

Б. А. Прокудин

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, probor@bk.ru)

**ЛЕВ ТОЛСТОЙ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ИДЕИ Ж.-Ж. РУССО¹**

Л. Н. Толстой, по его собственному признанию, в юности так «боготворил» Ж.-Ж. Руссо, что в пятнадцатилетнем возрасте даже носил на шее медальон с его портретом вместо натального креста. При этом почитание Толстым Руссо не было только эпизодом юности, много позже в письме 1905 г. он признавался: «Руссо был моим учителем с 15-летнего возраста. Руссо и Евангелие – два самые сильные и благотворные влияния на мою жизнь» [Толстой Л. Н. Письма. 132. Бернару Бувье. 1905 г. Марта 7/20. Ясная Поляна // Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 22 тт. М.: Художественная литература, 1984. Т. 20. С. 582]. «Семена, заброшенные Руссо, дали обильные плоды в душе Толстого, – писал В. В. Зеньковский в «Истории русской философии», – с известным правом можно было бы изложить *все* воззрения Толстого под знаком его руссоизма, – настолько глубоко сидел в нем этот руссоизм до конца его дней» [Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический Проспект, 2011. С. 378].

Свою идею о естественном состоянии и естественном человеке Руссо впервые высказал в трактате «Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1754). В этом произведении он постулировал противопоставление естественного состояния человеческого существования состоянию общественному, но возражал Томасу Гоббсу, который отождествлял естественное состояние с войной всех против всех, и Джону Локку, который изображал его как законопослушное сообщество

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00344. (The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-311-00344.)

тружеников и собственников. Вопреки этим мыслителям, которые, по сути, строили предположения, как современный им человек мог бы себя вести в эпоху до появления государственных учреждений, Руссо полагал, что человек на протяжении истории менялся, эволюционировал, однако в естественном состоянии, до того, как он освоил всевозможные умения, от языка до сельского хозяйства и металлургии, он был совсем другим. Он был лучше. Естественный человек был физически крепче современного человека, не знал болезней, обладал более тонкими чувствами, желания его не превышали его физических потребностей, а главное, он не зол от природы. Только в процессе долгой истории, человек наконец «совершенствовался», создал сначала более или менее органичное «общество дикарей» и затем – современное государство. Но в результате «прогресса» необратимо изменилась сама его природа. Человек больше не мог существовать без новых «костылей» (жилища, языка, общения). Его естественные страсти стали проходить через рефлексию, теряя свою непосредственность. На смену жалости пришла мораль, себялюбие превратилось в тщеславие и т. д. Одним словом, приход цивилизации на смену естественного состояния Руссо описывал как потерю первоначальной гармонии, как грехопадение человечества.

Важно сделать уточнение, что натурализм Руссо не опирался на материалистическое мировоззрение, а был идеалистическим или религиозным. Знаменитый лозунг Руссо «Вернемся к природе!» правильно понимать как этический призыв «восстановить нравственный облик человека, предначертанный всеблагой природой». Противопоставление «природа» – «культура» было тождественно у Руссо противопоставлению «деревня» – «город». Жизнь в городских условиях калечит людей как физически, так и морально. Соответственно, противопоставление деревни и города тоже имело у Руссо этический характер, то есть понималось как антитеза нравственного уклада сельчан и безнравственности горожан, не знающих «запаха лугов» в «неволе душных городов».

Последнее противопоставление мы увидим во многих произведениях Толстого. Героев многих своих текстов 1860-х гг. он будет «разводить» по трем уровням. К дворянской цивилизации и крестьянскому миру он прибавит уровень самой природы как абсолютного эталона. Реализацию этой схемы мы увидим и в повести «Казачьи» (1863), где жизнь близких к природе людей на Кавказе будет противопоставляться современной цивилизации. Схема эта будет работать и в романе «Война и мир» (1865–1869) и многих других произведениях.

Надо сказать, что Толстой остался верен многим заветам Руссо и после своего «духовного» кризиса 1877–1878 гг. И его позднее требование жить как можно проще, как можно ближе к природе, конечно, восходит к руссоистской аксиоме, что по природе своей человек склонен к добру и что внешние условия (государственные установления, законы, общественные правила), эти порождения цивилизации, не улучшают, а искажают природу человека. Можно сказать, что религиозные искания Толстого несколько не

вошли в противоречие с ранним руссоизмом, представлением о естественном человеке и социальной природе зла, более того, толстовская идея воспринимать Евангелие «буквально» радикализовала его руссоизм. Однако непротивленческий анархизм Толстого, выросший из подобной трактовки Евангелия, оказался крайне далек от республиканизма Руссо.

Критика социально-политического устройства современного мира у Руссо и Толстого имела одно основание: тот и другой считали, что главным источником неравенства между людьми является собственность и охраняющие ее государственные и общественные институты. Но на этом сходстве заканчивались. Признавая существующий порядок вещей несправедливым и ненормальным, Руссо старался объяснить его возникновение и придумать нечто другое, что бы могло заменить его, Толстому же казалось достаточным уничтожение этого порядка, чтобы все устроилось само собой. Действительно, появление частной собственности Руссо считал началом разрушения первоначальной гармонии. После того, как первые «честолюбцы» обманом завладели собственностью, неравенство начало усиливаться, от труда богатые перешли к эксплуатации бедных, а бедные – к восстаниям и грабежам. Именно это привело к возникновению государства путем «ложного» общественного договора. Но отдавая себе отчет в том, что «весь человеческий род» после появления государства оказался обречен «на труд, рабство, нищету» и неравенство, Руссо все-таки полагал, что в этом была какая-то историческая логика, и для своего идеального государства придумывал функцию «истинного» общественного договора. Толстой же предполагал возможность повернуть историю вспять и из гражданского состояния вернуться в естественное состояние. И добавлял, что именно этого требует от нас Христос.

В трактате «Об общественном договоре, или Принципы политического права» (1762) Руссо обосновывал принцип обширного вмешательства в жизнь отдельного лица, поглощение личной воли «общей волей», хотя и в целях приобретения тем самым большей свободы. Такое положение вещей не устраивало Толстого, потому что легитимировало государственное «насилие». Понятно, что из общественного договора (каким бы он ни был: «ложным» или «истинным») неизбежно следует обычное устройство человеческих государств: законодательство, исполнительная власть, суд, требующий наказания за нарушение этого самого договора. Все это было неприемлемо и даже кощунственно для Толстого. Правила человеческого общежития, основанного на заповедях Нагорной проповеди, отвергали всякий намек на насилие, принуждение, следовательно, и на формальные законы, суды и политическую власть. Тот общественный порядок, который с точки зрения Руссо является «священным правом» народа, в понимании Толстого не имеет никакого нравственного оправдания.

Таким образом, с точки зрения политического идеала Толстого невозможно назвать учеником Руссо. Толстой в какой-то момент начал вести

борьбу с учителем юности, преодолевать наследие Руссо и в результате по глубине разработки общественных вопросов сильно его превзошел. Анархист-Толстой, нашедший программу социальных преобразований в Евангелии, оказался непримиримым оппонентом системы «общественного договора» Руссо, ведь по его мнению, следствием общественного договора неизменно становится государство, а «христианство несовместимо с государством» [см.: *Толстой Л. Н. Царство Божие внутри нас // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 28. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. С. 186*]. По словам М. М. Ковалевского, «Руссо сожалел, что христианство, в отличие от греко-римского язычества, недостаточно служит интересам государства» [*Ковалевский М. М. Можно ли считать Толстого продолжателем Руссо? // Ж.-Ж. Руссо: pro et contra. СПб.: РХГА, 2005. С. 697*], Толстой же, наоборот, старался освободить христианство от той связи с государством, которая установлена была вековым развитием церкви и привела к искажению учения Христа. Близкие в своих исходных представлениях об обществе и человеческой природе Толстой и Руссо оказались проповедниками диаметрально противоположных общественных идеалов.

Е. К. Прокудина

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, prokudina-elena@yandex.ru)

К. Д. КАВЕЛИН О РУССКОЙ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЕ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Освобождение крестьян, которое произошло в 1861 году, подвело своеобразный итог полемике, посвященной будущему русской сельской общины. В соответствии с «Положением 19 февраля 1861 года», она не была насильственно разрушена, но предлагались механизмы, с помощью которых крестьяне могли при желании выйти из нее. Однако очень скоро стало ясно, что народ сам держался обычая общинного землевладения даже тогда, когда имел реальную возможность от него отказаться и перейти к участковому владению на правах личной собственности. К. Д. Кавелин зафиксировал этот знаменательный факт: «В конце пятидесятых и начале шестидесятых годов в огромном большинстве образованного русского общества <...> господствовало убеждение, что общинное владение не имеет будущего, что оно рано или поздно неизбежно должно перейти в участковое. Никому не приходило тогда в голову, что крестьяне могут когда-нибудь, как случилось впоследствии, домогаться обращения участкового владения в общинное» [*Кавелин К. Д. Собр. соч. СПб., 1897. Т. II. Стлб. 222*].

Несмотря на длительный возраст полемики, посвященной вопросам существования общины, отмечал К. Д. Кавелин в статьях 70-х годов, в об-